

— Тот человек в галерее поднял голову.

— Кто? — Бай Шиянь сразу насторожился, но, встретив взгляд Лю Чунмина, сам догадался и ахнул. — Этот маленький уродец?!

Только так можно было объяснить, почему Чунмин вдруг захотел его увидеть.

— Я не разглядел лицо, но точно видел его глаза — разноцветные, как у демона. Ошибки быть не может.

Лю Чунмин слегка сжал губы и усмехнулся:

— Не волнуйся. Может, я просто днём его случайно увидел, впечатлился, вот он и приснился.

— Чунмин, сходи ещё раз в храм, — Бай Шиянь говорил серьёзно. — Обязательно сходи!

— Не переживай, я сам о себе позабочусь, — Лю Чунмин хлопнул его по плечу. — Шиянь, ты же старше меня на несколько лет, а ведёшь себя, как ребёнок.

— Чунмин!

Бай Шиянь хотел сказать многое, но не знал, с чего начать. Наконец спросил:

— Чунмин, в этом году тебе исполнится восемнадцать. Ты правда не собираешься идти на службу?

— Отец уже спрашивал. Я сказал, что хочу быть торговцем — зарабатывать, считать серебро, а не играть в грязные игры.

— Что ответил дядя?

— Отец сказал: «Хорошо». Похоже, он и сам не хочет, чтобы я лез в политику, — Лю Чунмин улыбнулся, видя разочарование в глазах друга. — Пусть и твой отец не возлагает на меня надежды. Луна, достигнув полноты, убывает. Нельзя быть слишком жадным.

Он уже собирался уходить, но Бай Шиянь догнал его и резко спросил:

— Ты говоришь, что не хочешь государственной службы и дворцовых интриг. Но разве от тебя зависит, если другие начнут тебя вмешивать в это? Ты смиришься? А как же дело твоего брата? Ты просто забудешь?

Лю Чунмин не обернулся, лишь на мгновение замер при словах «твой брат», а затем молча ушёл.

***

Всё, что происходило снаружи, не имело к Цюй Чэньчжоу никакого отношения. На этот раз Ду Цюань, видимо, был так зол, что даже не велел отнести его обратно, оставив гнить в дровяном сарае на три-четыре дня.

Весенние ночи были холодными, и дрожь не давала уснуть. Он из последних сил сажился, скрестив ноги, и медленно регулировал дыхание.

Эту технику дыхания когда-то для него выпросил у генерала Бай сам Чунмин. Если бы не годы

тренировок, закалившие его тело, он вряд ли пережил бы четыре месяца пыток в подземной тюрьме.

Но жестокость Ду Цюаня была не главной проблемой. Самое важное сейчас — как пройти проверку у евнуха Паня.

Тогда он в отчаянии выбежал на улицу, и многие его видели. Любопытные уже наверняка разузнали, что этот всегда покорный ребёнок швырнул гадальную кость прямо в лицо Паню.

Пань Хэ болезненно относился к своей репутации, а этот поступок был плевком в его гордость.

Дело приняло неприятный оборот.

Ду Цюань, обычно державшийся с важностью благодаря связям среди чиновников, теперь, в доме Паня, вынужден был унижаться.

Он стоял в стороне, пока евнух Пань неспешно листал книгу. Прошли часы, но он не смел пошевелиться, лишь изредка поддерживая пустые разговоры. Внутри у него кипела ярость, и он готов был убить.

За дверью Цюй Чэньчжоу тоже стоял на коленях уже несколько часов.

Раны на груди и спине под действием лекарств начали затягиваться, но зуд и боль не утихали. Песчинки под коленями впивались в плоть, словно точили кости.

От долгого стояния в голове туманилось.

Он опустил взгляд, безучастно наблюдая за своей тенью на земле. Тело больше не слушалось, и вдруг он пошатнулся, с глухим стуком рухнув набок.

Слуги тут же подхватили его, снова поставив на колени, но в комнате уже заметили шум.

Пань Хэ наконец отложил книгу, будто только сейчас увидел гостей:

— Ой, ну надо же! Я и не заметил, что господин Ду привёл кого-то.

— Вы были заняты, господин Пань, — Ду Цюань склонился в почтительном поклоне. — Я привёл его извиниться. Он с детства глуповат, да ещё и временами сходит с ума. В обычные дни вроде нормален, а в припадке ничего не соображает. Не думал, что осмелится оскорбить вас. Я его уже жестоко выпорол. Если хотите — казните, если хотите — четвертуйте, лишь бы ваш гнев утих.

— Да что с раба возьмешь? — На пухлом лице Пана расцвела добродушная улыбка. — У вас, господин Ду, дела идут хорошо. Говорят, на улице Синхуа только ваши три заведения и процветают.

У Ду Цюаня ёкнуло сердце, но он заулыбался:

— Вы слишком добры, господин Пань. Просто на пропитание зарабатываю.

Он был скрягой до мозга костей, и по тону Пань Хэ сразу понял — тот хочет урвать свою долю. Не ожидал, что он будет таким бесстыжим! Всё это просто предлог! Разве из-за какого-то жалкого раба я отдам ему доходы с трёх заведений? Ни за что!

— На пропитание? — Пань Хэ усмехнулся.

— Да-да, столько ртов надо кормить, все на меня надеются, — раз уж тот не говорил прямо, Ду Цюань тоже притворился дурачком. — Вы же великодушный человек и не станете принижать себя из-за ребенка.

— Из-за ребёнка? А ты не слышал, что по городу болтают?

— Конечно слышал! Потому и привёл его извиниться! — Ду Цюань рывкнул за дверь: — Тащи его сюда!

Слуги втащили Цюй Чэньчжоу и поставили на колени у порога.

Увидев склонившегося подростка, Пань Хэ временно забыл о деньгах.

Из-за увлечения императора гадания распространились по всей стране, но все понимали — это просто способ выманывать деньги, потешая народ.

В башне Цишэн он оказался лишь потому, что кто-то хотел ему угодить, пригласив развлечься.

Он был уже немолод, а люди в его возрасте обычно начинают бояться потустороннего. Особенно эти странные глаза вызывали у него неприятное ощущение, от которого по коже бегали мурашки.

Неожиданно он почувствовал нервозность.

— Ду Цюань, ты принёс его вещи?

Тот на секунду задумался, но потом сообразил, что речь о гадальных костях, и закивал:

— Конечно! Не смотрите, что он словно немой — если заговорит, то никогда не ошибается! А если ничего не скажет, то это тоже хорошо: значит, вас ждёт счастье без бед!

Хотя он так говорил, но отлично помнил, как часто в последние годы гадания оказывались пустыми, и нервничал.

Но ещё больше нервничал Цюй Чэньчжоу.

У него был секрет.

Секрет, который знал только он.

С девяти лет, поняв, что бежать некуда, он начал тихое сопротивление.

Благоприятные предсказания он давал крайне редко, неблагоприятные — злили клиентов, и ему доставались побои. Но чаще всего он просто не видел в людях ничего особенного — ни взлётов, ни падений — и не мог дать предсказания.

Когда хозяева привыкли, что его гадания «пустые», они просто смирились с его молчанием.

Ду Цюань думал, что с возрастом он потерял дар, но не знал, что его отказы означали не только «не знаю», но и «не скажу».

Он не просто не хотел быть денежной коровой для Ду Цюаня — он уже понимал, что некоторые

вещи лучше не произносить вслух, иначе беды не избежать.

Под масками благородства скрывались грязные планы и неприглядные уловки.

Так, по счастливой случайности, он дожил до четырнадцати, пока не погадал Пань Хэ.

Но если Ду Цюань, помешанный на деньгах, верил в эту уловку, то такого человека, как Пань Хэ, было трудно обмануть.

Стоило ему спросить: «Ты не знаешь или не хочешь сказать?» — и всё, конец.

Ду Цюань не подозревал о его мыслях и торопил:

— Чэньчжоу, чего ждёшь? Гадай!

Цюй Чэньчжоу сжал в руке кости, а затем медленно поднял взгляд на Пань Хэ.

Да и само предсказание отличалось от прошлой жизни.

Тогда у Пана было лицо, полное счастья — богатство и удача. Предсказание гласило: «Золото на юге, обойди Лочэн».

Но сейчас...

«Там, где поднимаются могучие волны, под сенью ив».

Его предсказания никогда не ошибались, но смысл угадывал лишь по своим скудным знаниям. Потому даже в детстве говорил только: «Не знаю».

А уж Пань Хэ ни в коем случае нельзя было говорить правду.

Этот молчаливый взгляд пробрал Пана до мурашек. Он не раз бывал у гадалей ради забавы, но впервые чувствовал себя так неудобно.

Несколько месяцев назад ему подвернулся шанс вложиться в торговое судно, и он надеялся сорвать куш. Как раз приближалось время возвращения корабля, и он ждал вестей.

Ради этого груза он обошёл множество «ясновидящих», наслушался сладких речей — просто для успокоения.

Но сейчас, под молчаливым взглядом ребёнка, он нервничал по-настоящему.

— Чэньчжоу! — Ду Цюань, не дождавшись ответа, в ярости пнул его: — Онемел? Есть ответ? Говори!

Но пинок не достиг цели.

Цюй Чэньчжоу внезапно рванулся в сторону, затем, словно решив свести счёты с жизнью, прыгнул вперёд и швырнул гадальные кости прямо в лицо Пань Хэ.